

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЯ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.¹

Ю. Н. Квашнин

Статья посвящена проблемам развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея в XX — начале XXI в. На примере одной из локальных групп ненцев, проживающих на притоках Енисея, реках Соленая и Большая и Малая Хета, показаны результаты межэтнического взаимодействия ненцев и энцев, которое привело к заимствованию последними ненецкого языка, одежды, способов ведения оленеводческого хозяйства. Особое внимание уделено влиянию промышленного освоения региона на сохранение традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов.

Ненцы, энцы, низовья Енисея, межэтническое взаимодействие, традиционное хозяйство.

На этнические процессы, происходящие сегодня в районах Крайнего Севера и Сибири, влияет социально-экономическое развитие конкретных регионов. Большое воздействие на экономику национальных территориальных образований оказывают географические, природно-климатические условия, степень удаленности от промышленно развитых районов, транспортная инфраструктура, направленность экономики.

Одним из интересных районов Севера для изучения современных процессов являются низовья Енисея с их сложной историей освоения различными народами и особенностями экономического развития. Этнографами хорошо изучены этнические процессы и хозяйственное развитие здесь с XVII в. до 1960-х гг. Дальнейшей разработки, на наш взгляд, требуют современные вопросы традиционного землепользования у коренных народов низовьев Енисея — ненцев и энцев, развития межэтнических контактов, взаимовлияния их культур, ассимиляционных процессов и связанной с ними самоидентификации, а также сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности в условиях промышленного освоения.

В данной статье освещаются как общие тенденции развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея, так и конкретные проблемы одной из локальных групп ненцев, проживающих на притоках Енисея реках Соленая и Большая и Малая Хета.

Общие сведения о районе исследования

Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский автономные округа 1 января 2007 г. составили единый субъект Российской Федерации — Красноярский край в пределах границ трех ранее существовавших субъектов. Автономные округа вошли в состав края как Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский муниципальные районы.

Современный Таймырский район целиком расположен за Полярным кругом. Он включает в себя четыре административных объединения: городское поселение Дудинка, городское поселение Диксон, ему принадлежит о. Диксон и часть арктического побережья Енисейского залива; сельское поселение (далее с/п) Караул, его территория простирается по обоим берегам Енисея ниже Дудинки; и сельское поселение Хатанга, в него входит бассейн р. Хатанга и вся северо-восточная часть района вплоть до границ Якутии. Бассейн притока Хатанги р. Хета и центральная часть полуострова, а также южная полоса лесотундры по обоим берегам Енисея выше Дудинки находится в подчинении Дудинской городской администрации. Общая площадь района равняется 879,9 тыс. км² [Таймыр...]. Это самое крупное территориальное образование на Крайнем Севере России.

Район населяют представители пяти коренных народностей Крайнего Севера. Всероссийская перепись населения 2002 г. зарегистрировала на его территории 5517 долган, 3054 ненца, 766 нганасан, 197 энцев и 305 эвенков. Кроме того, там проживают русские (23 318 чел.), укра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Особенности развития этнических и социально-экономических процессов...

инцы (2423 чел.), белорусы (294 чел.), немцы (587 чел.), татары (425 чел.). Всего же насчитывается более 60 национальностей [Материалы ВВП-2002].

Большинство ненцев и энцев проживают на территории с/п Караул, в которое входят село Караул и поселки Носок, Воронцово, Байкаловск, Усть-порт, Тухард, Поликарповск, Казанцево, Кереповск, Мессояха, Мунгуй.

В XIX в. народы, проживавшие в низовьях Енисея, часто обозначались в научной литературе обобщенными терминами «береговые юраки» и «самоеды», без разделения их на роды [Патканов, 1911. С. 43; Рычков, 1916]. К первым исследователи относили всех приенисейских ненцев, а ко вторым — энцев.

В первой трети XX в. этнический состав кочевого населения в низовьях Таза и Енисея существенно не менялся. Отдельные звенки, якуты, долганы, а также командированные в качестве специалистов по оленеводству европейские ненцы, коми и др. на этническую ситуацию не влияли. Ненцы и энцы жили смешанно. Приполярной переписью 1926–1927 гг. в междуречье Таза и Енисея было зафиксировано небольшое количество межнациональных браков, зато отмечено довольно много потомков оненечившихся энцев [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448].

Расселялись кочевые хозяйства ненцев и энцев на обширной территории от р. Поеловаяха, впадающей в Енисейский залив, на севере до п. Игарка на юге. Отдельные семьи проживали среди долган и нганасан [ГАКК. Ф. 2275. Оп. 1. Д. 25]. В районе Рыбной протоки у Енисея в 1926–1927-гг. кочевали ненцы Ямкины, Ломпай (Ламбай), Каргаполовы (крещенные Ломпай) и энцы Силкины; в районе р. Соленой и ее притока Варкуяхи — ненцы Ломпай, Ямкины, Тогэ (Тогой) и энцы Силкины; в районе р. Мессо — ненцы Ептуне (Яптунай), Окадэтта (Окотэтто), Ядне, Ямкины, Худы (Худи) и оненечившиеся ханты Хаби; в районе рек Поеловаяха и Монгочияха, а также на мысу Шюгней-Сале — ненцы Шюгней (Сюгней), Яр, Яптуне; в районе р. Танама — ненцы Яр, Теседа (Тэсида), Ептуне и оненечившиеся ханты Сольянчер (Салиндер); на Енисейском мысу Лапто-Сале — ненцы Яр; в районе р. Большая Хета — ненцы Комаровы (крещенные Ненянг); в районе р. Яра — ненцы Яр, Ямкины, Теседа, Вынга (Вэнго), Псяя; в районе р. Гыда — ненцы Лапсуй, Яр, Ептуне, Вынга, Теседа и оненечившиеся ханты Сольянчер; в районе станка Караул — ненцы Фефеловы (крещенные Ломпай) и Тогэ; на Хынке речке ниже села Турновского — ненцы Ломпай, Тогэ, Лырмины; в районе р. Муксунихи — ненцы Яр, Надер (Адер), Ядне, Псяя Тапкины (крещенные Яр), Теседа, Комаровы и оненечившиеся ханты Хаби; на Чировом — озере ненцы Пальчины; на станке Плахино — ненцы Ямкины; на стоянке Убойной — энцы Болины и ненцы Ямкины; у с. Липатниково — ненцы Пальчины и энцы Болины; у с. Толстый нос и Привалово — нижнеинбатские «остяки»-кеты Мангычи и Ламбины; у станков Песчаный и Порша — ненцы Ямкины; у станка Игарка — энецко-якутский метис Пильков, баишенский селькуп Ачели и ненец Пальчин [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448. Л. 1–160].

В начале 60-х гг. XX в. основная масса енисейских ненцев и энцев проживала в Таймырском автономном округе (далее ТАО) на территории Носковского, Мунгуйского, Мало-Хетского и Воронцовского сельских советов Усть-Енисейского района. Смешанное проживание ненцев и энцев привело к возникновению проблем самоидентификации, особенно у молодого поколения. Как отмечал в 1963 г. В. И. Васильев, некоторые ненцы давно уже перешли на энецкий язык, хотя осознают себя чистыми ненцами. Им же были отмечены случаи двуязычия [Васильев, 1963. С. 35, 38].

Ведущее место в развитии хозяйства приенисейских районов в 1960-е гг. принадлежало укрупненному колхозу «Заря Таймыра». В него вошли артели «Новый путь» (п. Носок), им. Серго Орджоникидзе (п. Лескино), «Красное знамя» (п. Нарзой) и колхоз «Красный Таймырец» (п. Поликарповск). В 1961 г. общая площадь угодий этого колхоза составляла 4970,6 га, из которых 1955,4 га приходилось на оленьи пастбища. В оленеводстве и охотничьем промысле было занято по преимуществу ненецкое население. В четырех стадах насчитывалось 4415 оленей. Два стада выпасались на левом, а два — на правом берегу Енисея. В левобережных стадах большинство пастухов являлись энцами [Васильев, Симченко, 1963. С. 13; Васильев, 1963. С. 53].

Основной отраслью хозяйства колхоза было рыболовство. В весенне-летний сезон 1961 г. в колхозе было 52 рыболовецких звена (по 3–5 чел. в каждом), работавших в с. Кареповском, Троицке и Яковлевке. Осенью, по окончании рыболовецкого сезона, рыбаки уходили с семьями в тундру на охоту за дикими оленями и песцами. Всю зиму охотники кочевали по тундре, жили в балках, в поселки возвращались ко времени вскрытия реки [Васильев, Симченко, 1963. С. 13; Васильев, Туголуков, 1960. С. 89].

В результате хозяйственных преобразований 1960–1980-х гг. в ТАО колхозы были ликвидированы и на их базе были созданы совхозы. В 1990-е гг. развитием промыслового хозяйства в округе занимались 19 совхозов, госпромхоз «Таймырский» и опытно-производственное хозяйство (ОПХ) Норильский НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера [Васильев, 1994б. С. 426].

Ведущей отраслью хозяйства промысловых совхозов оставалось оленеводство и рыболовство. Совхозные пастбища располагались в центральной части п-ва Таймыр и на левобережье Енисея.

С пуском в эксплуатацию магистрального трубопровода Мессояха — Норильск и установлением круглогодичной навигации по Енисею ряд хозяйств, летние пастбища которых были расположены на правом, а зимние — на левом берегу реки, лишились возможности совершать ежегодные сезонные перекочевки своих стад. Совхозы «Северный», «Октябрьский» были вынуждены свернуть домашнее оленеводство и отказаться от дальнейшего развития этой отрасли. В результате численность домашних оленей в ТАО за 15 лет (с 1975 по 1990 г.) снизилась на 19,7 % (с 97 тыс. до 77,1 тыс. голов) [Там же. С. 427].

На центральном Таймыре в качестве основного хозяйственного занятия местного населения сохраняется промысел дикого северного оленя. Здесь обитает самое большое стадо этой популяции (525 тыс. голов по оценочным данным 1982 г.; более 800 тыс. голов по данным 1998 г.) [Там же. С. 427–428; ПМА, 1998].

Пушная охота в 1990-е гг. имеет на Таймыре характер индивидуального промысла. Если в 1958–1965 гг. охотники профессионалы и любители ежегодно добывали в среднем 20,8 шт. песцовых шкурок на человека, то в 1987 г. было добыто всего 13,3 шкурки. Развитие системы коммуникаций, строительство промышленных объектов изменили миграции песка, что не могло не отразиться на общем состоянии этой отрасли [Васильев, 1994б. С. 427–428].

Рыболовством на Енисее продолжают заниматься совхозные рыболовецкие бригады. Они ловят омуля, ряпушку, чира (щокура), рыб сиговых пород. Для промысла по открытой воде летом и ранней осенью применяются закидные невода и плавные сети. В зимнее время практикуется подледный лов на притоках Енисея и тундровых озерах [Там же. С. 427–428].

Для подавляющего большинства ненецких и энцев семей на Таймыре чум давно перестал быть универсальным жилищем для круглогодичного проживания. С постройкой стационарных поселков они получили квартиры в деревянных домах. По убранству и интерьеру эти квартиры не отличаются от тех, которые занимают русские и представители других национальностей. Кроме жилых домов в поселках располагаются комплексы общественных и культурно-бытовых учреждений. Там размещаются правления совхозов, сельские советы, отделения связи, школы-интернаты, детские сады, клубы, больницы, магазины, склады и пр.

У оленеводов ненцев и энцев в качестве зимнего жилища часто используется балок. Прообразом балка послужила кибитка, поставленная на полозья, которую в XIX в. использовали русские купцы для поездок в тундру в зимнее время. Первыми в качестве жилища балок стали применять долганы, от которых его заимствовали нганасаны, а от них энцы и ненцы. Современный балок представляет собой остов из деревянных планок, поставленный на полозья гораздо большего размера, чем обычные нарты. Дверь делается с левой стороны по ходу движения. Печка-буржуйка ставится обычно в левом углу. Перед заселением балок покрывается одним слоем нюков из толстых зимних оленьих шкур (мехом наружу). Внутри балка пространство возле печки и столика для еды обтягивается покупной клеенкой. Летом шкуры и клеенку снимают. Перевозится балок с одного места на другое упряжкой из 5–7 оленей [Там же. С. 430].

Зимой оленеводы ненцы и энцы по-прежнему носят традиционную национальную меховую одежду (малицы, парки, сокуи). В начале XX в. среди коренного населения низовьев Енисея стала распространяться одежда и обувь русского образца. В летнее время некоторые мужчины носили покупные штаны и рубахи. Из обуви у рыбаков получили широкое распространение высокие сапоги-бродни. Сейчас в поселках традиционную одежду носят только представители старшего поколения.

По данным В. П. Кривоногова, в 2002 г. на Таймыре проживало 245 чел. энцев. Основными местами их обитания были центры сельских администраций, поселки Воронцово и Потапово. Отдельные семьи проживали в других поселках, а также в Норильске и Дудинке. Среди энцев зафиксирован очень высокий процент смешанных браков, что ведет к усилению метисации. Уже в 1992 г. 100 % детей энцев были смешанного происхождения. По мнению В. П. Кривоногова, по

мере естественной смены поколений чистокровных энцев на Таймыре скоро не останется [2004. С. 167–170].

У енисейских ненцев, по данным того же автора, процессы метисации происходят менее интенсивно. Наряду с долганами ненцы отличаются от других народов Таймыра максимальной «расовой чистотой» [Кривоногов, 1997. С. 152].

Этнические процессы у разных групп энцев и ненцев протекают в зависимости от конкретной этнодемографической ситуации. Как отмечает В. П. Кривоногов, в северной (тундровой) группе слабее процесс метисации с европеоидами, но активнее смешение с ненцами. В южной группе доминирует русский язык, а в северной — ненецкий. В северной группе у смешанного энецко-ненецкого населения активнее происходят процессы ассимиляции и постепенно закрепляется ненецкое самосознание. На юге наблюдается определенное «этническое равновесие». Естественный прирост численности более ощутим в южной группе, так как здесь больше европеоидных метисов, которые чаще, чем ненецко-энецкое население, определяют себя как энцы [Там же. С. 157].

Ненцы левобережья Енисея

В июле — августе 2006 г. сотрудники лаборатории антропологии и этнографии ИПСО СО РАН провели комплексное археолого-этнографическое исследование на левых притоках Енисея: реках Большая и Малая Хета и Соленая. Этнографическим обследованием была охвачена группа ненцев — рыбаков и оленеводов, — приписанных к вахтовому поселку газозаводского объединения «Норильскгазпром» Тухард.

Тухард (нен. «город огня», названный так за горящие факелы на газопромислах) был основан в 1968 г., когда строители поставили первые палатки рядом с одиноко стоявшим чумом старого ненца Пальчина. Постепенно разрастаясь, поселок стал местом притяжения для оленеводов и рыбаков не только низовьев Енисея, но и Тазовской и Гыданской тундры. Ненцы и энцы выгодно сбывали здесь продукцию традиционных промыслов (пушнину, оленину, рыбу) и закупали различные продукты и товары по ценам более низким, чем в совхозных магазинах.

Местные ненцы были объединены в колхоз «Большевик», вошедший в 1960-е гг. в укрупненный совхоз «Заря Таймыра». В начале 1990-х гг., с избранием нового председателя, совхоз обанкротился и окончательно пришел в упадок. В конце 1990-х гг. в п. Тухард на базе совхоза был организован рыболовецкий кооператив, преобразованный в 2003 г. в сельскохозяйственную промысловую артель «Факел».

Трудами членов артели в помещениях, принадлежавших ранее совхозу, была построена пантосушилка, установлены холодильники, ремонтируются помещения для мехопошивочной мастерской. При вложении определенной суммы денег в развитие артель могла бы приносить весомый доход.

Сейчас артель занимается приемом и засолкой рыбы, принимает мясо, панты, рога, шкуры. Рыбу в артель сдает большинство местных рыбаков. По данным на 2006 г., чира и муксуна здесь принимали по 50 руб. за килограмм, сига — по 35, пелядь — по 20–30, щуку — по 15, омуля — по 40; оленину — по 45; панты высшего сорта — по 250, первого сорта — по 190, второго сорта — по 140, третьего сорта — по 40, рога — по 60; шкуры волчьей — по 4000, медвежьей — по 10 000, росомашьи — по 3500 руб. Весь принятый товар отправляется в Норильск по договору с промхозом «Таймыр».

Артель обеспечивает рыбаков лодками, моторами, топливом, сетями, патронами, лекарствами. Поселковые ненцы живут в основном на пособия по безработице или занимаются неквалифицированным трудом. Расширение производства в артели создаст рабочие места и обеспечит людей коренной национальности хорошим заработком.

Коренным населением, проживающим на реках Большая и Малая Хета и Соленая, являются ненцы, большая часть которых ведет свое происхождение от энцев. Они осознают себя настоящими ненцами, память об энецком происхождении утрачена несколькими поколениями ранее.

Активное проникновение ненцев в междуречье Таза и Енисея отмечается в документах русских ясачных сборщиков начиная с XVII в. [Васильев, 1994а. С. 29–75; Долгих, 1970. С. 136]. Межэтнические контакты, установившиеся между ненцами и энцами после угасания военных конфликтов, приводили к взаимному заимствованию хозяйственных навыков, элементов куль-

туры и быта. Интенсивное хозяйственное освоение русскими низовьев Енисея привело к частичной утрате коренным населением своих традиционных культурных особенностей.

По данным Приполярной переписи населения 1926–1927 гг., в низовьях Енисея проживали ненцы (юраки), приписанные ранее к трем инородным управам: Обдорской, Тазовской и Береговой, а также отдельные семьи энцев (самоедов), приписанных к Карасинской инородной управе, и тазовских хантов (остяков). В районе р. Большая Хета кочевала семья обдорского ненца Прокопия Комарова, из крещеных ненцев рода Ненянг (в переводе — комар). В районе р. Соленой и ее притока Варкуяхи проживали три семьи береговых ненцев Ломпай (Ламбай), одна семья береговых и три семьи тазовских ненцев Ямкиных (крещенные Аседа), три семьи обдорских ненцев Тоге (Тогой) и семья Романа Силкина, из крещеных карасинских энцев рода Вай [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448].

Нашей группе удалось охватить этнографическим обследованием проживающих в настоящее время на реках Большая и Малая Хета и Соленая шесть семей Ямкиных, находящихся друг с другом в той или иной степени родства, одну семью Теседо (Тэсида), две семьи Тоги (Тогой) и семью единственного в этой местности долганина Яроцкого, женатого на ненке. Кроме того, по словам информаторов, в этой местности живут ненецкие семьи Лырминых (крещенные Моло Аседа), Найвоседо (Айваседа), Яр, Ядне, Яптуне (Яптунай), Береговых, Пальчиных (крещенные Чор), по одной семье оненечившихся энцев Силкиных и энецко-ненецких метисов Каяриных.

Перевода на русский язык местных ненецких фамилий никто из информаторов дать не мог, кроме самых распространенных и простых: Теседо — безоленный, Яптуне — гусяная лапа. Ямкины ничего не могли сообщить о происхождении своей фамилии. Фамилию Лампай пытались переводить как «лыжники» (от нен. *лампа* — лыжа). Также говорили, что Лампай это русское название, а по-ненецки правильно произносить «Лаборте», но опять же не дали перевода.

Один из информаторов сказал, что Ямкины и Лырмины происходят из одного корня, они все Нгаседа (Аседа). Ямкины — по-ненецки Пя вана (корень дерева), а Лырмины — Моло (волчья ягода). Жениться между собой они не имеют права. Родственниками по материнской линии местным Ямкиным и Лырминым являются Тоги, Найвоседо, Береговые. Другой информатор сообщил, что Лампай — это чистые (настоящие) ненцы (по одной из версий, Лампай — энецкий род. — Ю. К.). Они пришли сюда с севера, из района Лескино. Браки между двоюродными братьями и сестрами строго осуждаются.

Традиционные обычаи и обряды сохраняются в большей мере у ненцев, проживающих ниже по Енисею, приписанных к поселкам Носок и Караул. У ненцев на Большой и Малой Хете, Соленой и их протоках уже давно детей называют русскими именами. Возможно, это связано с тем, что здесь очень много представителей различных ветвей рода Аседа (Ямкины, Лырмины) и Чор (Пальчины), которые были крещены еще в конце XVIII в.

Более чем двухвековое соседство с другими народами (в поселках Воронцово и Потапово проживают энцы, на Хатанге — долганы и нганасаны, русское и русскоязычное население поселков) напрямую или опосредованно наложило отпечаток на традиционную материальную и духовную культуру местных ненцев.

Летом здешние рыбаки стоят чумами, а с осени перебираются в балки. Летние рыбацкие стойбища располагаются обычно на песчаных плесах или поросших кустарниками берегах рек или проток. Оленеводческие стойбища располагаются в тундре на некотором расстоянии от рек (например, на крутом берегу старицы). Видимо, оленеводы опасаются, что олени могут переплыть мелеющие летом реки и их невозможно будет собрать.

На летнем стойбище стоит обычно один-два, реже три чума. Возле чума некоторые ненцы устанавливают покупную палатку для отдыха дежурного пастуха или для проживания женатого сына с невесткой. Иногда делают маленький чум для приготовления там пищи.

Вещи, которые у оленеводов обычно хранятся на грузовых нартах, местные рыбаки укладывают рядом с чумом на пустые бочки из-под бензина. На каждом стойбище имеется рация для связи с администрацией поселка. От входа в чум протягивается антенный провод, закрепляемый на конце высокого шеста.

Снаружи чум местных рыбаков и оленеводов ничем не отличается от обычного ненецкого чума, те же деревянные шесты, обтянутые брезентом. Внутри, посреди чума, разводится костер, над которым устанавливается на четырех ножках низкая металлическая подставка с круглыми отверстиями. На нее ставят чайники или кастрюли. Традиционных надочажных устройств

Особенности развития этнических и социально-экономических процессов...

с деревянными перекладинами и железным крюком нет. На противоположной от входа стороне чума, как обычно, стоит столик для продуктов и два маленьких столика для еды (рис. 1). Там, между стеной и очагом, могут свободно перемещаться женщины. Вертикального, «священного» шеста-симсы нет. Ненцы, живущие в чуме круглый год, устанавливают этот шест только в зимнее время.

Рис. 1. Внутри чума

Женских распашных ягушек, используемых обычно в качестве одеял для укрывания ночью, у местных ненцев нет. Поэтому здесь укрываются покупными одеялами. Члены семьи спят обычно по обеим сторонам чума, ногами к печке. Спальные места закрываются пологом из обычной ткани. Так теплее, а в комариный период — защита от комаров.

Рыбаки выходят на лов на лодках-казанках с моторами. Ловят рыбу ставными сетями и неводами на Большой и Малой Хете, Соленой и больших и малых протоках. Здесь водится чир (в бассейне Оби и Таза его называют щокур), почирок (маленький чир), сиг, нельма, таймень, хариус, пелядь (сырок), сорога, щука, окунь, налим, иногда заходит горбуша. На Енисее ловят омуля, муксуна, корюшку. Иногда в речки заходит осетр, но его ловить запрещено. В озерах на левой стороне Енисея ловится чир, почирок, щука, налим. На правом берегу в озерах встречается красная рыба — кумжа.

Рыбу ненцы традиционно едят сырой, вареной, делают юколу. По-ненецки едение сырой рыбы или мяса называется *нгайбат* или, на говоре енисейских ненцев, — *нгайбарчь*, но здешние ненцы употребляют энецкое и нганасанское слово — *согудать*.

Местные оленеводы в летнее время объединяются для совместного выпаса оленей. Собирают вместе до 500 (иногда больше) голов. Далеко не всегда это семьи родственников, часто друзья. Окарауливают оленей круглосуточно. Днем на пастушество ходят пешком, а ночью ездят на нарте, запряженной тремя оленями. Караулят оленей по одному или по двое. Осенью, после кораля (подсчета и выбраковки оленей), пастухи разделяют стада и кочуют раздельно (рис. 2).

Спасая оленей от комаров и мошки оленеводы делают возле стойбища дымокур из веток тальника и торфа. Иногда дымокур огораживают шестами с натянутой на них сеткой.

Летом олени болеют копыткой (некробактериозом). Лечится она самыми распространенными на Севере лекарствами — бицилином и марганцовкой. Здешние пастухи применяют также ихтиоловую мазь, раньше использовали мазь Вишневского. От бруцеллеза лекарства нет. Раньше, когда существовал совхоз, приезжали специалисты из Норильска, брали у оленей

кровь на анализ. От сибирской язвы в июле делают оленям прививки. В сентябре делают прививки от подкожного овода, вводят оленям лекарство, которое называют *этосыт*. С носовым оводом никак не борются. Аптечки с лекарствами для оленей и людей выдает оленеводам местная ассоциация народов Севера. Зоотехников в стадах сейчас нет, лечебные мероприятия оленеводы проводят сами. Зоотехники приезжают из Тухарда только на кораль.

Рис. 2. Ненец-оленевод

Настоящим бедствием для оленеводов становятся серые вороны, с недавнего времени целыми стаями зимующие на Севере. Весной, как раз во время отела, вороны нападают на недавно родившихся телят.

Самым подходящим периодом для резки пантов местные оленеводы считают конец мая — начало июня. Режут как обычно, завязывая молодые рожки у основания кожаным ремешком или веревочкой, и отпиливают их пилой. Если затем вовремя не снять перевязку, то рога загнутся и гной постепенно перейдет и на голову.

Ушные метки оленям делают с рождения. После 17 августа, когда олени начинают чистить рога, начинается кастрация быков-хоров. Здесь, в низовьях Енисея, быкам вырезают яички или перекусывают зубами семенные канатики.

Клички оленям дают по масти, по особенностям строения рогов и пр. Например, Тэмуй — бурый, Сэрэку — беленький, Хорэку — бычок, Латэку — широкие рога, Хабрта — рога как у лося, Менаруй — запрягают редко и др.

Временных загонов-еркулабц из составленных друг за другом нарт здесь нами не отмечено, нужных для запряжки оленей ненцы отлавливают арканами.

Август — месяц овода, поэтому в это время пастухам не составляет труда собрать стадо. Овод — лучший пастух, — говорят они. Ограду из шестов и сетей ненцы используют для «охоты» на овода, чтобы не пугать собравшихся в кучу оленей. На земле расстилается шкура белого или пестрого оленя, и пастух убивает садящихся на нее оводов. Для «охоты» изготавливается из дерева специальная колотушка, на которую крепится старая подошва от сапога. Каждому подбитому оводу «охотник» откручивает голову и оставляет лежать на шкуре. Другие оводы, видя своих собратьев, летят на эту шкуру, и редко кому удается увернуться от удара колотушкой.

Аркан (нен. *тынзян*) здесь так и называют арканом или, по-энецки и нганасански, — маутом. Традиционную одежду называют следующим образом: малица — мальча; гусь (нен. *соок*) — сокуй; ягушка (нен. *паны*) — парка; чжи — либт; кисы (нен. *лива*) — бокари. Налицо заимствование некоторых названий у энцев и нганасан.

В качестве зимнего жилища местные оленеводы и рыбаки часто используют балок (рис. 3). У местных ненцев первые балки появились в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Их привезли из района с. Потапово. До этого все ненцы жили в чумах.

Еще одной характерной особенностью обследованной группы ненцев является отсутствие у них священных нарт, где обычно хранятся различные амулеты, куклы, изображающие духов предков, и прочие предметы традиционного культа. Это явилось результатом не только многолетней деятельности православных священников по христианизации коренного населения Таймыра, но и активной борьбы с любым проявлением религиозности в 20–30-е годы XX в. Опасаясь ре-

Особенности развития этнических и социально-экономических процессов...

прессий, многие ненцы оставляли священные нарты со всем их содержимым далеко в тундре, зная наверняка, что советская власть туда не доберется, а ненцы чужие вещи не тронут.

Рис. 3. Балок

Останки одной из таких нарт нам показали наши информаторы. В неглубокой ямке между двумя кустами тальника лежали в беспорядке обломки досок и какие-то металлические предметы. При ближайшем рассмотрении среди останков нами были обнаружены три колокольчика средних размеров, лезвие длинного ножа с односторонней заточкой без ручки, два деревянных полоза от охотничьего щита-лата, небольшого размера деревянная антропоморфная фигурка, деревянные фигурки россомахи и щуки, связанные друг с другом кожаным ремешком, женские подвески на зимнюю шапку, а также прямоугольная жестяная коробка с крышкой, где, видимо, и хранились мелкие предметы. Интересной оказалась находка половины круглой медной бляхи около 15 см в диаметре (рис. 4). На бляхе изображены два человека, один из которых держит за рога оленя, другой — рыбу. По центру, между ними, зооморфная личина с рогами. Внизу изображена лодка с тремя людьми. По краю бляхи — фигурный орнамент в виде цветов. Время изготовления и функциональное назначение бляхи определить не удалось.

Рис. 4. Медная бляха

Борьба с религией свела на нет и шаманскую практику в этих местах. По словам местных ненцев, здесь остался всего один шаман Кузьма Лырмин, да и тот уже не камлает. Почти нет на левой стороне Енисея и священных мест. Нам рассказали только об одном месте, которое ненцы называют Шиде сопка (нен. Сидемаха — двойная сопка).

Погребальные сооружения у местных ненцев традиционные. Отмечаются варианты захоронений. Большое ненецкое кладбище располагается на берегу Большой Хеты примерно в 2 км от Тухарда (рис. 5). Наземные гробы-хальмеры стоят группами по два, три и более, что указывает на захоронение здесь родственников. Некоторые гробы на три четверти или по самую крышку вкопаны в землю, встречаются подземные захоронения с могильными холмиками и металлическими оградками. Нововведением является установка мраморных плит (на могилах ненцев Пальчиных).

Рис. 5. Ненецкое кладбище у п. Тухард

Тундровые захоронения, которые нам удалось обследовать, — одиночные или семейные, располагаются на берегах рек или проток недалеко от стойбищ. Имеются наземные и подземные захоронения. Один из обнаруженных нами хальмеров был изготовлен из половины лодки.

Большинство хальмеров ориентированы головой на запад. На поселковом кладбище рядом с могилами оленеводов лежат перевернутые изломанные нарты, также ориентированные передней частью на запад. В разных количествах возле могил лежат кости жертвенных оленей и бутылки из-под водки.

По рассказам местных ненцев, нельзя хоронить в традиционных гробах только людей, умерших от эпидемий. Например, в устье р. Епяха, впадающей в р. Соленую, находятся останки нескольких чумов, обитатели которых умерли когда-то от сибирской язвы. Говорят, они поели мяса зараженных оленей. Из всего стойбища остался в живых только один мальчик, который был в гостях на другом стойбище, он-то потом и рассказал о беде. Хоронить как положено покойников не стали, просто перерезали ремешки, связывающие основные шесты, и обрушили чумы.

Отметим, что группа ненцев, проживающая на реках Большая и Малая Хета и Соленая, недостаточно изучена этнографами. Необходимы дополнительные исследования для составления полной картины этнических, социально-демографических и культурных процессов, происходящих здесь.

Экономические проблемы и экология

На Таймыре, как и на всей территории Восточной Сибири, промышленное освоение шло менее интенсивно, чем в Западной Сибири, однако экологическая ситуация здесь немногим лучше. В этом регионе открыты залежи полезных ископаемых (нефть, газ, уголь, цветные и редкие металлы), и над этой территорией нависла угроза нарушения экологического равновесия.

Особенности развития этнических и социально-экономических процессов...

В Норильском районе медно-никелевые руды были открыты еще в 1930-е гг. На их базе позже был построен Норильский горно-металлургический комбинат. Деятельность комбината связана с огромными выбросами загрязняющих веществ в атмосферу. В районе Норильска из-за загрязнения атмосферы кислотные дожди выпадают на площади 400 тыс. км² (что превышает территорию Германии). Поврежденные деревья и кустарники встречаются на территории 5,65 тыс. км². Древесная растительность почти полностью уничтожена на площади 1,8 тыс. км² [Вильчек и др., 1997. С. 34–35]. Максимальные концентрации двуокси азота превышали допустимые нормы почти в 25 раз. Критические нагрузки по выпадению серы превышены в 6 раз, азота — в 1,2 раза [Современное положение..., 2004. С. 48].

Особое место среди загрязнителей, по данным экологов, занимают тяжелые металлы — медь, никель, цинк, хром, свинец, кадмий и др. Проникновение этих металлов в почву уменьшает разнообразие видов мхов и лишайников, сокращаются ягельники. Большая концентрация вредных веществ наблюдается в елях, соснах, можжевельнике. Повышенное содержание металлов обнаружено в грибах и ягодах [Российская Арктика..., 1996. С. 20, 49]. Сложившаяся ситуация вынуждает охотников и пастухов искать новые места для кочевков вдалеке от мест прежнего проживания.

Строительство гидроэлектростанции на Хантайском водохранилище привело к затоплению значительных площадей охотничьих угодий и пастбищ эвенков, энцев и долган, проживавших в поселках Потапово, Хантайское Озеро и Игарка [Современное положение..., 2004. С. 48].

По данным специалистов, сегодня на территории Таймырского района выведено из хозяйственного оборота более 13 млн га земель охотничье-промыслового назначения и оленьих пастбищ. Экономический ущерб оценивается в 50 млрд руб. Потеряли рыбохозяйственное значение многие реки, отмечается интенсивное загрязнение подземных вод. В результате техногенного воздействия Норильского комбината ликвидированы: в Авамском районе — 13 колхозов, 13 становищ; в Дудинском районе — 2 поселка, 2 становища. Норильский промышленный район и прилегающие территории по совокупности показателей могут быть отнесены к зоне экологического бедствия [Там же].

Спад российской экономики 90-х гг. XX столетия оказал негативное влияние на развитие многих отраслей хозяйства народов Таймыра, в том числе оленеводства. Повышение цен на нефтепродукты привело к разрыву традиционных межрегиональных связей, сократился рынок сбыта продукции традиционных промыслов коренного населения Таймыра. В результате этого оленеводческие совхозы стали нерентабельными, многие из них обанкротились, были сокращены штаты оленеводческих бригад. Кроме того, пострадали и оленеводы, выпасавшие свои личные стада, им ограничили прием оленины на совхозных приемных пунктах. Сегодня оленеводство на Таймыре (как и в восточных районах ЯНАО) переживает глубокий кризис. Определенные проблемы создает для оленеводов развитие в регионе газодобывающей промышленности.

К разведке и добыче нефти и газа приступили в 1950-х гг. в Западной Сибири. К концу 1960-х гг. были освоены месторождения в низовьях Енисея. С самого начала разработки нефти и газа велись без учета специфики тундровой флоры и фауны, уничтожались ягельники, загрязнялись отходами производства рыбные озера и реки. В 1960–1970-е гг. площадь пастбищ и рыбных угодий продолжала все более сокращаться. В 1980–1990-е гг. проблемы землепользования, связанные с продолжением разработок нефти и газа в районах проживания ненцев и энцев, обострились. Пуск в эксплуатацию магистрального трубопровода Мессояха — Норильск на Таймыре, как уже говорилось выше, исключил возможность для многих хозяйств оленеводов совершать сезонные перекочевки на летние пастбища.

Промышленное освоение и разведка новых месторождений нефти и газа, строительство вахтовых поселков, магистральных газопроводов, железных и автомобильных дорог влияет на естественные миграционные пути оленьих стад. Кроме того, на выработанных месторождениях газовики оставляют после себя практически безжизненное пространство, на естественное восстановление которого уйдет не одно десятилетие.

Плохо решаются проблемы, связанные с реализацией продукции традиционного хозяйства. Обанкротившиеся оленеводческие совхозы ограничили прием оленины, рыбы и пушнины от ненцев в связи с удорожанием воздушных перевозок и сокращением рынка сбыта. До недавнего времени государственные предприятия платили мизерные деньги за принимаемую продукцию или отоваривали оленеводов продуктами и товарами из скудного выбора поселковых магазинов. Это вынуждало оленеводов и рыбаков самим решать свои проблемы. Они меняли традиционные маршруты кочевков и перегоняли на зимне-весенний период свои стада ближе к га-

зопромыслам, где газовики охотно скупали у ненцев мясо, рыбу и песцовые шкурки. В поселках газовиков ненцы могут приобретать разнообразные продукты и товары по ценам гораздо ниже, чем в совхозных магазинах. В Таймырском районе — это поселки Тухард (Факел), Мессояха, Носок, Караул и др. Однако, переключившись к вахтовым поселкам со своими стадами, состоящими из нескольких сотен оленей, ненцы создают другую угрозу экологическому равновесию в тундре. Олени вытаптывают ягельники, которые затем восстанавливаются в течение долгого времени. В ближайшем будущем в этих районах можно прогнозировать нарушение экологического баланса в связи с перевыпасом пастбищ, а затем возможное резкое сокращение поголовья оленей.

Промышленное освоение газоносных площадей в низовьях Енисея идет пока не так интенсивно, как в Ямало-Ненецком автономном округе. Но и здесь уже появляются проблемы сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности. Вдобавок к трубопроводу Мессояха — Норильск планируется строительство еще одной ветки газопровода в районе рек Большая и Малая Хета и Солёная, что неизбежно негативно отразится на жизни и деятельности коренного населения Таймырского района.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАКК. Ф. Р-769. Ф. 2275.

Материалы ВПН-2002 [Электрон. ресурс] // Информ.-справочный сайт «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю». Режим доступа: <http://www.krasnet.ru/~statis/text/vpn2002.htm>, свободный.

Таймыр [Электрон. ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района. Режим доступа: <http://www.taimyr24.ru/about/area/>, свободный.

Литература

Васильев В. И. Лесные энцы // Сиб. этногр. сб. V. М.; Л.: Наука, 1963. С. 33–70.

Васильев В. И. Ненцы. Энцы // Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнодемографическая характеристика). Б-ка Рос. этнографа. М., 1994а. С. 29–75.

Васильев В. И. Ненцы, энцы, нганасаны (северосамодийские народы) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994б. С. 412–440.

Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Современное самодийское население Таймыра // СЭ. 1963. № 3. С. 9–20.

Васильев В. И., Туголуков В. А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // СЭ. 1960. № 5. С. 128–141.

Вильчек Г. Е., Серебряный Л. Р., Тишков А. А. Устойчивое развитие российской Арктики: что может география? // Изв. РАН. Сер. Геогр. М., 1997. № 1. С. 40.

Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.

Кривоногов В. П. Русскоязычные метисы? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 148–161.

Кривоногов В. П. Энцы в начале XXI в. // Этносы Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004. С. 167–171.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. 432 с. (Зап. ИРГО. Т. 11, вып. 2).

Российская Арктика: на пороге катастрофы. М., 1996. 206 с.

Рычков К. М. Береговой род юраков // Зап. Западносиб. отдела РГО. СПб., 1916. Т. 3. С. 154–191.

Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный докл. М.: ИЭА РАН, 2004. 184 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to development problems of ethnic and socioeconomic processes down stream the Yenisei in the XXth — early XXIst cc. By an example of one of the local Nenets groups dwelling by the Yenisei tributaries, the Solyonaya and the Bolshaya and Malaya Kheta rivers, subject to presentation being the results of ethnic interaction between Nenets and Aenets, with the latter borrowing the Nenets language, clothing, and methods of running reindeer household. Special attention being paid to the industrial development of the region impacting on the preservation of traditional types of economic activity led by the natives.

Nenets, Aenets, down stream the Yenisei, ethnic interaction, traditional household.